

ИРЕНА КВАСНЕВСКАЯ

ВДОВИЙ ДОМ

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

Семейная сага
о женской силе и стойкости

Вместо тысячи советов – одна история

Ирена Квасневская

**Вдовий дом. Семейная сага
о женской силе и стойкости**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Квасневская И.

Вдовый дом. Семейная сага о женской силе и стойкости /
И. Квасневская — «Эксмо», 2026 — (Вместо тысячи советов —
одна история)

ISBN 978-5-04-255413-1

Этот дом называли «Вдовым». Соседи шептались, дети обходили его стороной, но Ирена никогда не верила в приметы. Пока несколько лет спустя не вернулась сюда после смерти мужа... Тогда дом впервые отозвался в ней скорбью. И не только в ней. Перебирая старые фотографии и пожелтевшие письма, Ирена раскрывала тайны прошлого, словно выпуская на свободу призраков тех, чьи судьбы слишком долго оставались в тени. Они переживали войны и революции, любовь и предательство, потери и разлуки и каждый раз находили в себе силы жить дальше. Но какая волшебная сила помогала им и точно ли волшебная? И почему спустя столько лет их история оказалась нужна Ирене?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255413-1

© Квасневская И., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирена Квасневская
Вдовый дом
Семейная сага о женской силе и стойкости

© Ирена Квасневская, текст, 2026

© Анастасия Штарк, иллюстрация на обложке, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Я не знала, что делать с этим домом.

Он был старый, продуваемый всеми ветрами. Окна-глаза, словно катарактой затянутые пылью и паутиной, подслеповато щурились от дневного света.

Внутри пахло сыростью, прогнившим деревом и отчего-то – морем.

«Скорее, плесенью», – поправила я себя, останавливая разгулявшееся воображение. До ближайшего моря отсюда километров пятьсот. Разве что представить себя потерпевшим кораблекрушение странником на необитаемом острове.

Пожалуй, это было ближе к истине.

Я приехала сюда после похорон мужа.

Бывшего мужа.

Десять лет мы не жили вместе. Десять лет нас разделяли границы, море, суша и несколько тысяч километров. Мы общались в основном по поводу детей: оценки, болезни, документы, новые ботинки, разрешения на поездки. Иногда спорили. Иногда неожиданно смеялись, будто между нами ничего не случилось. Потом снова исчезали из жизни друг друга.

А теперь окончательно.

Сначала пришлось заниматься похоронами, документами, перевозить его прах в Польшу, где мы жили с детьми.

Прах.

Никогда не думала, что это слово будет иметь ко мне какое-то отношение.

Что однажды возьму в руки небольшую урну и пойму: там человек, с которым я когда-то собиралась прожить всю жизнь.

Я двое суток не выпускала из рук свою ношу – везла через две границы с пятью пересадками, и всё время думала о том, что человек, занимавший столько места в моей жизни, теперь помещается в небольшой коробке.

Такой лёгкий.

Такой невыносимо тяжёлый.

Мы похоронили его на сельском кладбище рядом с нашим домом, чтобы детям было куда приходить. Чтобы между ними и отцом больше не было границ, моря, суши и тысяч километров.

После этого я вернулась в его дом, чтобы разобрать вещи и документы. Наши дети были его единственными наследниками. Но они несовершеннолетние, поэтому разбираться с оставшейся жизнью их отца пришлось мне.

– Кем вы приходите к умершему? – спрашивали меня в официальных инстанциях.

Хороший вопрос.

Уже не жена... Получается, не совсем вдова.

Мать его детей? Бывшая любовь? Человек, которого он когда-то называл родным, а потом много лет видел только по видеосвязи?

Для таких отношений в документах подходящей строчки не нашлось. Но нужно было в качестве законного представителя вступить в наследство от имени детей. Так объяснил нотариус. Звучало солидно – как будто речь шла про банковские счета, заводы, газеты и пароходы. На деле это означало приехать и решить, что делать со старым домом, где их отец провёл свои последние дни. Где он словно бы до сих пор жил. Его очки лежали на тумбочке возле кровати, будто он снял их перед сном. На спинке стула висела рубашка. В ванной стояла зубная щётка. Возле компьютера – чашка с высохшим чаем.

Я ходила по комнатам, боясь что-нибудь сдвинуть.

Казалось, стоит переставить чашку или убрать очки – и произойдёт что-то непоправимое.

Смешно.

Непоправимое уже произошло.

Я открыла шкаф.

Несколько рубашек, старые свитера и куртка, которую он носил много лет. Совершенно обычная тёмная вельветовая куртка. Потёртая на рукавах, с заедающей молнией. Я столько раз просила её выбросить и купить новую.

Теперь выбросить её предстояло мне.

Я сняла куртку с вешалки.

Прижала к лицу.

Запах почти исчез – остался только слабый, едва уловимый след. Я надела куртку. Велика – мне хватило бы завернуться, рукава висят. Обняла себя руками и вдруг почувствовала, будто это он меня обнимает.

И меня накрыло.

Я сползла на пол возле открытого шкафа и разрыдалась – громко, захлёбываясь, не успевая вытирать слёзы. Плакала о нём. О себе. О нас, которых давно уже не существовало. О словах, которые мы не сказали. О том, что ещё можно было исправить, но мы всё откладывали на потом.

Это «потом» казалось бесконечным.

А оказалось – нет.

Не знаю, сколько я просидела на полу. Наверное, долго. В доме стемнело, а я всё держалась за края куртки, словно за руки человека, которого больше не было.

Наконец поднялась.

Нужно было разбирать шкафы, бумаги, вещи. Решать, что оставить детям, что увезти, что отдать, что выбросить.

Выбрасывать оказалось труднее всего.

Коробочка с иголками и разноцветными нитками. Несколько пуговиц. Старые зарядные устройства. Записные книжки с телефонами людей, которым уже сто лет никто не звонил. Чеки. Ключи неизвестно от чего.

Ничего ценного.

Но все они хранили воспоминания.

На столе лежал бумажник. Я открыла его. Банковские карты, паспорт и снилс, документы на машину... и фотографии. Он носил их с собой. Я с нашей старшей дочкой на руках. Совсем девчонка. Я со смешной стрижкой. Фото детей. Сложенный вчетверо листок. Я осторожно развернула. Мой почерк – записка, написанная двадцать лет назад, когда наша жизнь только начиналась и казалась бесконечной.

Я даже не помнила, что написала её.

А он сохранил.

Взяла папку, в которой лежали детские рисунки. Кривые человечки, солнце с длинными лучами, дом с трубой и огромной дверью. «ПАПЕ» – старательно выведено разноцветными карандашами. Школьные фотографии, открытки, первые детские записки.

Господи, он хранил всё.

Каждую бумажку.

Я садилась на пол и плакала над сломанным перочинным ножиком или ручкой с высохшими чернилами – потому что помнила их историю и понимала, почему они не полетели в мусорку. Потом брала себя в руки, находила старую фотографию и начинала сначала.

Оказывается, можно разойтись, развестись, построить разные жизни, но всё равно остаться вписанными друг в друга – мелким почерком, где-нибудь на полях.

Начало темнеть. Я огляделась.

Копоть на стенах, паутина в углах, старая мебель, книги, коробки. Каждая вещь затягивала в прошлое, как в омут.

Надо было решить, что делать с домом.

Продать? Отремонтировать? Оставить детям на будущее как дачу?

Пока что хотелось одного: запереть дверь и больше никогда сюда не возвращаться.

Но дом уже захлопнулся и не выпускал. Я должна что-то сделать.

Я вышла в прихожую.

Пыльные половицы, пачка газет для растопки, лоскутные коврики на полу. В углу – прожавевший сундук, в котором когда-то хранилось приданое его бабушки. Каждую вещь, что там лежала, я помнила наизусть, даже открывать было не нужно – подвенечное платье моей свекрови, моё свадебное платье, которое, конечно, я не стала забирать в «новую жизнь». Вышитая рубашка его отца, крестильные распашонки детей и прочие сентиментальные тряпочки.

На сундуке и рядом, почти до потолка, стояли коробки. Мои. После продажи родительской квартиры – это было много лет назад – я забрала оттуда вещи. Вытащила из кладовки, где они пылились бог знает сколько лет, и привезла к нему. Точнее, к нам. Тогда ещё к нам.

Потом случились развод, быстрый отъезд в Польшу, скитания по съёмным квартирам, оформление документов, ремонт... Я всё думала: вот сейчас станет полегче – и займусь: выделю время, поеду, разберу, рассортирую, перевезу. Времени так и не нашлось... Ну что ж, значит, как раз пора.

Он, похоже, даже не заглядывал в эти коробки – просто перевёз их в новый дом и сгрузил в углу. Судя по слою пыли, несколько лет их никто не трогал. Я взялась за одну, стоявшую на сундуке. Она оказалась неожиданно тяжёлой.

– Чёрт, – пробормотала я, едва не уронив её на ногу. Поставила коробку на пол в комнате, где было светлее, и сняла крышку.

Письма. Фотоальбомы в красивых бархатных и кожаных обложках. Толстые тетради, газетные вырезки, папки с бумагами – семейный архив, осколки множества жизней, которые наверняка были счастливее моей.

Я взяла первый альбом и погладила рукой лиловый бархат обложки. Открыла – большое фото моей прабабушки Сони в военной форме. Какая красивая. И такая тяжёлая судьба... Да, про «счастливее моей» – это я явно погорячилась. Я уселась на полу и начала перелистывать страницы.

Казалось, дом дышал: затягивал пыльный воздух внутрь, шумно выдыхал сквозь щели в досках, похрипывал и старчески покашливал.

«Вдовый дом», – внезапно мелькнуло в голове.

Я услышала это от соседки, когда впервые сюда приехала. Она произнесла название шёпотом, перекрестилась, беспокойно оглянулась, а потом посмотрела на меня с неприкрытым любопытством.

– Знаете, говорят, в этом доме счастье не живёт, – сказала она, понизив голос. – Все женщины, которые здесь жили, проводили своих мужей в последний путь.

Я тогда отмахнулась.

Вдовый дом. Какая чушь. Муж купил этот дом после развода, руководствуясь исключительно ценой. Плевать ему было на весь мистический флёр, где каждая трещина в штукатурке – знак судьбы, а каждый скрип ступени – шёпот призраков. Мы были разведены – следовательно, проклятие проходило мимо по формальному признаку.

Как выяснилось, у проклятий свои представления о формальностях.

Теперь я сидела на полу среди вещей дорогого мне человека, перемешанных с моими, и пыталась понять, кто я.

Не жена.

Не вдова.

Вроде бы чужой человек – и всё же именно мне пришлось хоронить его, перевозить через границу, разбирать одежду и решать, что делать с коробочкой, в которой он хранил иголки.

Может быть, моя прабабушка Соня чувствовала себя так же, когда её муж исчез и она не знала, жив он или мёртв.

Ни жена, ни вдова.

Правда, я, в отличие от неё, уже знала, что ждать мне некого.

Ветер влетел в приоткрытую дверь и пошуршал старыми газетами. Одну из них унесло в угол, к открытой коробке.

Навести порядок в прошлом, подумала я с горькой усмешкой.

Или отнести всё на чердак?

Должен же тут быть чердак?

Я потянулась к письмам и взяла пожелтевший конверт.

Мелким аккуратным почерком на нём было выведено моё имя.

Я вздрогнула.

Сердце бешено заколотилось.

Что там? Послание из прошлого? Может, завещание или карта сокровищ?

Так, стоп. Размечталась.

Просто имя моей прапрабабушки Ирены, в честь которой называли меня. Это письмо для неё. Или от неё? Я отряхнула пыль с кончиков пальцев, вытерла руку о джинсы и осторожно вытащила из конверта тонкий листок.

«Дорогая мамочка», – прочитала я старательно выведенные буквы.

Значит, это прабабушка Соня писала своей матери.

В быстро наступивших сумерках читать было трудно. Я зажгла тусклую жёлтую лампочку, отчего тесная комната стала почти уютной.

Юридически дом принадлежал детям, но разобраться с прошлым предстояло мне.

Хотела я того или нет.

Ярамай Чинла, 3 сентября 1915 года

«Дорогая мамочка!

Мы здесь уже почти неделю, но я всё ещё не могу поверить, что это взаправду. Всё такое чужое, странное, будто я попала в сон, который никак не могу досмотреть до конца.

Деревня стоит у самой реки. Вода здесь тёмная, как крепкий чай, и течёт тихо, будто устав от долгого пути. Домики маленькие, бревенчатые, крытые соломой. Ни одного каменного дома, представляешь? И мостовых нет, просто грязь и ездят телеги. Воздух здесь пахнет очень сладко – сеном, мёдом, печёными яблоками. А ещё я пробовала чак-чак, это очень вкусно, ты обязательно должна попробовать, когда приедешь!

На улице всё время кто-то кричит – не по-русски и не по-польски, не по-немецки, и даже не по-латышски. Папа говорит, что это татарский язык, и что мы должны его выучить.

Мамочка, они носят такие странные одежды! Мужчины в длинных халатах и мохнатых шапках или таких смешных круглых шапочках – тюбетейках, женщины ходят в иштанах, а поверх иштанов ещё носят платье, и все в платках, так плотно обмотанных вокруг головы, что не видно даже волос. И дети ходят в длинных рубашках и этих шапочках. Мальчишек бреют наголо, а девочки тоже в платочках. А мы с Михалом, наверное, выглядим для них совсем дико в городском платье. Михала папа стал называть по-местному – Мустафа, а меня – Сафия, представляешь? Когда мы приехали, папа пошёл к местному священнику, он называется мулла. Он совсем не строгий, не то что наш ксёндз Владыслав. Наверное, потому что у ксёндза совсем нет жены, а у этого муллы их сразу две – тётя Зейнаб и Айша. Тётя Зейнаб совсем старая, ей, наверное, лет сорок! И у них много-много детей и даже маленький мальш.

А Айша молоденькая, чуть-чуть старше меня. Мулла хорошо говорит по-русски, а тётя Зейнаб очень смешно, как будто маленькая девочка. А Айша совсем не знает русского, зато она весёлая, всё время смеётся, а тётя Зейнаб угощала нас с Михалом сладостями.

Сегодня утром, когда мы вышли на улицу, вся деревенская детвора сбежалась нас разглядывать. Мы стояли у порога, а они – напротив, целой толпой, молча.

Они смотрели на нас, как дети глазают на кукол в магазине Клодта в Либаве. Особенно их поразили наши ботиночки. Мамочка, ты бы видела их лица! Одна девочка, самая смелая, подошла близко-близко, потрогала моё платище, а потом показала пальцем на мои ботиночки и сказала что-то быстро-быстро, а потом повторила. Я разобрала только “кедже тоягы”. Остальные засмеялись. Они почти все с совершенно босыми ногами, представляешь? Только у некоторых лапти или такие странные башмаки, как будто они их сами сделали из тряпочек.

Я сначала не знала, что делать. Хотелось убежать в дом, спрятаться. Но тут один мальчик, совсем крошечный, в одной рубахе, но в тюбетейке, вдруг протянул мне что-то в ладошке. Это было печёное яблоко. Он широко улыбался, показывая щербатые зубы. Я взяла угощение, и тогда вся толпа заговорила сразу – громко, быстро, непонятно.

Я ничего не понимала, но почему-то рассмеялась. И вдруг стало легче. А потом спросила у папы, что это значит, он сказал, что “кэжэ тоягы” – это “козьи копытца”. Деревенские дети меня так прозвали. Но я не обижаюсь, потому что они это говорят по-доброму, дружат с нами и угощают сладостями.

Мамочка, ты ведь скоро приедешь, правда? Мне очень хочется вернуться домой, в Либаву, в наш сад, к твоим розам и качелям, которые сделал папа. Он обещал, что здесь тоже сделает мне качели. И ещё сказал, что мы будем жить здесь, пока не закончится война. Мамочка, приезжай скорее!

Твой маленький мышонок, Зося».

Я поднесла письмо к глазам, рассматривая тонкий хрупкий листок, на котором детским почерком были выведены ровные строчки. 1915. Значит, прабабушке было десять лет, когда она это писала. Больше ста лет назад.

Я отложила письмо и подошла к окну. Двор погрузился в темноту, а во мне ворочалась щемящая тоска. Моя прабабушка и пра-пра... Я помню, как в детстве много раз видела их фотографии. Они должны быть в этой же коробке. Я заварила чай и снова достала альбом. Тяжёлый том с бархатной лиловой обложкой распух от фотографий, закрепленных уголками на толстых картонных листах. Некоторые были не вклеены, а просто лежали между страницами.

Вот они. Красивая семья, как на открытке. Моя прапрабабушка Ирена – дама в шляпке и шелковом платье, изящно обтягивающем бёдра, – стоит, положив руку в белой перчатке на плечо мужа – статного военного с пышными усами. Карапуз в матроске – Михал-Мустафа, и девочка с бантами в белом платище – это и есть Соня-Зося-Сафия. Прапрабабушка Ирена была полькой из обедневшей шляхты, вышла замуж за татарина, нарушив родительский запрет. Они уехали из её родного Вильна в Либаву. Теперь это Вильнюс и Лиепайя – Литва и Латвия, две разные страны, а тогда – два провинциальных города Российской империи. Начавшаяся Первая мировая война заставила их уехать вглубь России, в деревню в Симбирской губернии. Это всё, что я знала, а уж историю про ботиночки слышала раз двести в разных пересказах. Но вот про козьи копытца – не знала. А теперь словно увидела всё в омуте памяти, куда меня утащил её текст.

Современные десятилетки редко так пишут. Хотя это понятно – мало кто из нынешнего поколения получает домашнее образование, знает к этому возрасту пять языков и воспитывается на книгах отечественных и зарубежных классиков, а не на плясках тиктокеров.

Я достала телефон и вбила в поисковик «Ярамай Чинла». Теперь она называется «Большая Цильна» или «Олы Чинлы» на татарском. Надо же – ни одного названия не осталось преж-

него. На фотографиях – крепкие домики с резными наличниками. Никаких изб, крытых соломой. Посередине – тонкая лента реки. Река, наверное, единственное, что осталось неизменным.

Я взяла стопку фотографий.

Вот Соня уже взрослая, в пальто и круглой шляпке, из-под которой выбивается волнистая прядь. Снялась вместе с подругами – словно кадр из немого кино, такие все яркие и красивые. Следующее фото – она в офицерской шинели: твёрдый взгляд, ни тени улыбки. Фото с детьми. С внуками. И так похожа на мою маму...

Я держала семейное фото, в теплом колеблющемся свете лампочки люди на нём казались совершенно живыми. Мне чудилось – ещё немного, и я услышу голос маленькой «кэжэ тоягы», провалюсь в тот момент, когда война сорвала их с места – из собственного дома в теплой приморской Либаве в далёкую татарскую деревню, где жили дальние родственники моего прапрадеда.

Часть I

София. На крыльях пепла

Глава 1

Город, где рождается ветер

Либава до войны пахла солью и смолой. В порту покачивались корабли, вода гулким эхом отражала голоса грузчиков. Рыбаки сворачивали сети, выкрикивали цены, смеялись. Узкие улочки старого города были залиты солнечным светом, дома сливались в живой узор. В лавках торговали балтийским янтарём, самым вкусным на свете чёрным хлебом, кислыми яблоками – крепкими, зелёными, с капельками росы на круглых боках. Вдоль улиц разливался звон колоколов костёла, слышались разговоры на смеси языков: немецкого, русского, латышского. Торговцы в лавочках болтали на идиш, и Соня довольно неплохо понимала его, тем более что он так похож на немецкий...

Летом сюда приезжали отдыхающие, и по приморскому бульвару бродили дамы в лёгких платьях, кокетливых шляпках и белых перчатках, с кружевными зонтиками в руках.

Она любила этот шум, эту суету. Любила их маленький уютный дом с крохотным садиком и розами, которые посадила мама. Дом был недалеко от порта, и весной, когда после короткой и сырой прибалтийской зимы открывали окна, вместе с солёным воздухом в комнаты врвался гомон чаек, сладковато-огуречный запах моря и ослепительно яркий свет.

По мостовой круглый год грохотали телеги с товаром – снега зимой почти не было, поэтому сани использовались разве что для святочных гуляний. А по слякоти и грязи удобнее ездить на телегах. Тем удивительнее было на Рождество поехать к бабушке в Вильно, там снега было в достатке! Город превращался в настоящую зимнюю сказку – по улицам скользили нарядные сани и кареты на полозьях, можно было играть в снежки и кататься на коньках! Жаль, что редко удавалось насладиться зимними забавами.

Бабушка водила маленькую Соню в костёл и обязательно к Острой Бrame, поклониться иконе. Дома в Либаве икон не было вовсе, и Богородица в часовне над воротами казалась Соне живой, огромной и печальной. Возле неё всегда толпился народ – люди молились, стоя на коленях, крестились, плакали. Некоторые даже лежали прямо на мостовой. Соня тоже шептала свои детские просьбы – чтобы родители и братик были здоровы, и чтобы бабушка помирилась с мамой и папой.

Вслух про это никогда не говорилось, но Соня знала: мама вышла замуж за папу, а бабушка была против, потому что папа был другой веры. Бабушка объясняла Соне, что по закону, если бы кто-то из родителей был православным, второму пришлось бы обязательно креститься в церкви. Но раз оба были «иноверцами», то они просто зарегистрировали брак в городской управе. Каждый остался в своей вере и не предал своего Бога, но бабушка всё равно не смирилась, что мама не венчалась в костёле. Она считала маму вероотступницей, потому что у той дома не было икон, и мама редко ходила в костёл. Поэтому бабушка сама учила Соню и Мишу католическим молитвам и рассказывала про Бога. Она доставала маленький молитвенник в чёрной обложке и чётки с потемневшим от времени крестиком. Белые бусины скользили в её тонких сухих пальцах, а она повторяла монотонно: «Ave, Maria», – и Соня с Мишей послушно повторяли за ней.

Часто к ним на чай заходил мрачный и худой ксёндз Владыслав, который тоже много говорил про Йезуса и Марию – как она родила малыша и положила в кормушку для животных. У бабушки даже были такие фигурки – Мария, её муж Юзеф, пастушки и три короля, – она

ставила их под ёлку. А в Рождество клала туда же фигурку младенца Йезуса. Соне было жалко бабушкиного Бога – он был совсем маленький и лежал на сене с голыми ручками и ножками; она всё время удивлялась, почему его мама просто сидит рядом и не возьмёт его на ручки, чтобы согреть. Однажды она накрыла его кукольным одеялком, чтобы он не так мёрз.

Они с бабушкой много гуляли по городу, покупали гостинцы, навещали многочисленных тётушек, кузин и кузенов – у мамы было шесть сестёр, не считая двоюродных. Одна жила в Петербурге, одна уехала в Варшаву, но четыре жили в Вильне, и каждой нужно было непременно нанести визит.

Потом они возвращались в Либаву на поезде. Ехали долго-долго в красивом купе, пили крепкий сладкий чай на станциях, а потом бабушка, поджав губы, сухо здоровалась с мамой и возвращалась в Вильно. Иногда останавливалась в гостинице, но ни разу не зашла к ним в гости. А жаль, ведь Соня так мечтала показать ей свою детскую, и кукольный домик с крошечной мебелью! А если бы бабушка приехала летом, то можно было бы погулять по Приморскому парку – у бабушки ведь есть кружевной зонтик и перчатки, только чёрные, потому что бабушка уже много лет носит траур. Можно было бы слушать крики чаек и даже услышать, как где-то далеко, в порту, гудит пароход.

Ей казалось, что так будет всегда – море и чайки, папины объятия, мамины песни по вечерам и поездки к бабушке...

Внезапно что-то изменилось. Мальчишки-газетчики на улицах выкрикивали: «Война! Война!», «Франц Фердинанд убит в Сараево». Прохожие хватали газеты и нервно читали их, стоя прямо на мостовой. Соня слышала, что взрослые обсуждают что-то специальными тревожными голосами, которыми они всегда говорят о том, что детям знать не полагается. Обычно эти разговоры скучные – про цены, про расходы, про царя и министров. Теперь в них постоянно звучало слово «война». Мама всё чаще в задумчивости перебирала своими тонкими пальцами чётки, и всё реже – клавиши фортепиано, а когда садилась играть – это были не весёлые полочки, а что-то печальное.

Либава больше не пела, не дышала полной грудью. Люди исчезли с улиц, двери лавочек закрылись. Торговые ряды опустели. Ветер гнал по мостовым обрывки газет и пыль. На тротуаре валялись какие-то тюки и позабытые детские игрушки. Соня хотела подобрать плюшевого зайца – мокрого от дождя, с оторванным ухом. Ей было его очень жалко, но мама нетерпеливо потянула за руку: «Не останавливайся».

Тот самый ветер, который когда-то приносил запах моря и свежего хлеба, теперь пах гарью и страхом. Взрослые нервничали и отводили глаза. Мама отправила Соню с Мишей к

бабушке, потому что фронт был совсем близко – так она объяснила, торопливо прощаясь на вокзале.

Либава – город, где рождается ветер, – провожал их молча.

Глава 2

Чужая земля

У бабушки они пробыли долго. В гости к кузинам не ходили, только в костёл теперь бабушка водила их чаще обычного. Из обрывков взрослых разговоров Соня знала, что в марте Либаву захватили немцы. Что значит «захватили»? Они же всегда жили там. Работали в банках и конторах, держали нарядные магазины и рестораны. Соня представляла себе, как великаны, говорящие по-немецки, схватили город вместе с домами, портом, набережными и пытаются утащить к себе. Дома трещат и цепляются за тротуары, а из каналов выплёскивается вода.

Вильно наводнили беженцы. Они бродили по городу с узлами, ютились в подвалах, просили милостыню возле церквей и костёлов.

Однажды бабушка сообщила, что им надо уезжать. Утром повезла их на вокзал, где уже ждал отец.

Поезд уходил из Вильно рано утром. Они примчались к первому звонку. Отец стоял на платформе, ссутулившись; сжимал в пальцах папиросу, но почти не курил. Соня смотрела на него и не узнавала: он будто стал меньше, осунулся. Рядом с ним стояли вещи – один большой чемодан, саквояж и несколько картонок. Соня тоже держала картонку, в которой были игрушки Миши и её любимый гуттаперчевый пупс. Других кукол и прехорошенький домик, который они перевезли из Либавы, Соня оставила у бабушки с обещанием, что непременно за ними вернётся.

Бабушка протянула отцу корзину со снедью и сдержанно кивнула в ответ на благодарности. Соня навсегда запомнила её такой, как видела в последний раз перед отъездом – строгая, худая, затянутая в чёрный шёлк траурного платья, с идеально прямой спиной и тонкими, сжатыми в ниточку губами. Но глаза – большие, тёмные, без тени слёз, – были полны бесконечной боли и тоски. Миша стоял, вцепившись в бабушкину руку. Она присела, порывисто обняла его и поцеловала. Потом крепко прижала к себе Соню и быстро перекрестила.

– Держи, – она надела на шею девочки чётки, которые всегда носила на поясе. – И пусть Пресвятая Матерь хранит вас в пути.

Отец поклонился ей и подхватил багаж.

– Мы сядем в третий вагон, – коротко сказал он и шагнул вперёд.

Вагон был набит людьми. Кто-то молча смотрел в окно, кто-то шёпотом разговаривал. Соня устроилась у окна, прижалась лбом к стеклу. Она до этого никогда не ездила вторым классом. Отец сказал, что дорога долгая, надо экономить.

Поезд тронулся, и город медленно поплыл, танцуя в вокзальном дыму: знакомые костёлы, узкие улицы, дома. Казалось, что растворяется в воздухе сам запах Вильно – свечного воска, нагретого солнцем старого камня и ржаного хлеба.

За городом дорога стала другой. Леса, поля, покрытые лёгким туманом, где-то вдалеке расплывчатые белые пятна – коровы или овцы.

На станциях было многолюдно, все пытались пробраться к поезду, мелькали чёрные вдовьи платки и белые узлы, корзинки и тюки. Там и тут слышался детский плач, чьи-то причитания, просьбы, мольбы и ругательства. Беженцы проталкивались к поезду, передавали над головами детей. Соня один раз из любопытства заглянула в вагон третьего класса. Там было ещё теснее, чем у них, во втором; пахло махоркой, луком и пóтом, а на жёстких деревянных лавках совсем не было мест – люди стояли в проходах, сидели прямо на полу.

Поезд часто останавливался и подолгу стоял – пропускал военные эшелоны, как объяснил папа. Он как будто не находил себе места: выходил за водой, возвращался, молча протягивал ей и Мише кружку. Мишка надкусил румяное яблоко, положенное бабушкой, но есть не стал. Отец не выбросил надкушенное, а убрал в корзину.

– Папа, а ты видел войну? – спросил Миша однажды.

Отец долго смотрел в пустоту, а потом ответил, словно бы нехотя:

– Видел.

И больше ничего не добавил.

Дорога заняла несколько дней. До Москвы они добрались поздно вечером и снова окунулись в шумную толчею вокзала – людское море, которое выплескивалось на городские улицы. Переночевали в гостинице, а наутро снова двинулись в путь. Поездом доехали до Симбирска. Здесь уже было гораздо спокойнее. Тихая и неспешная провинциальная жизнь ничем не напоминала о том, что где-то вдалеке – война. Поезд шёл почти без остановок до их станции, а от неё нужно было ехать на телеге.

Соня никогда раньше не ездила на таком транспорте. Телегу трясло по разбитой дороге, и их с Мишей подбрасывало на тюках мягкого сена. Лошадь перебирала копытами, а Соня укуталась в пушистую шаль и смотрела на ясное глубокое небо – совсем не похожее на Либавское.

Ближе к ночи они добрались до деревни, которая встретила их тёмными окнами изб. Ветер здесь не пах морем. Самым ярким был густой дух свежего навоза, но через некоторое время он почти перестал ощущаться, и Соня почувствовала аромат печёных яблок, тину с реки и тёплый, уютный запах хлеба.

Возница остановился возле одной из изб. Отец постучал в дверь.

После долгой паузы лязгнули засовы, и в полосе света появилась молодая женщина в белом платке. Она, шурясь от огонька керосиновой лампы, которую держала в руке, смотрела на отца, словно пытаясь вспомнить что-то, и вдруг с визгом:

– Сабир! Сабиржан! – бросилась к нему на шею. – Проходите скорее, – она отошла, впуская их.

– Шакур! – позвала она, обернувшись. – Ты только посмотри, кто приехал!

Соня с Мишей шагнули в избу. Тёплый свет керосиновой лампы выхватил из темноты низкие потолки, деревянные лавки вдоль стен и большой стол, покрытый вышитой домотканой скатертью.

Женщина в белом платке, которая встретила их на пороге, оказалась сестрой отца, тётёй Лейлой. В комнату вошёл мужчина с окладистой бородой, в ватном халате и тюбетейке – её муж, дядя Шакур, как быстро шепнул папа. Они с папой обнялись, похлопав друг друга по спине. Послышался топот босых пяток, и из-за занавески показались несколько коротко стриженных мальчишеских голов, – но Шакур сурово свёл брови, и мальчишки исчезли. Соня огляделась. Изба была просторной, перегородженной пополам занавеской. В углу стоял большой сундук, покрытый узорчатым ковром.

Тётя Лейла говорила быстро, на непонятном языке, и Соня ничего не могла разобрать, но по тону чувствовала, что им очень рады.

– Сабиржан, – повторяла женщина, обнимая отца. Она перешла на русский:

– Сколько лет прошло! А это твои дети? Ай, какие красивые!

Отец кивнул, он выглядел немного смущённым. Соня впервые услышала это имя – Сабиржан. До этого он всегда представлялся русским именем Савелий, и она даже не подозревала, что у него есть другое имя. Это было так странно...

– Садитесь, садитесь, – торопила тётя Лейла, усаживая их за стол. – Голодные?

Соня шмыгнула на лавку, Миша примостился рядом. Запах свежего хлеба наполнял комнату, и Соня только сейчас поняла, как от голода сводит живот.

Тётя Лейла быстро накрыла на стол. На скатерти появились тарелки с печёными яблоками, тёплый хлеб, который она ловко вынула прямо из печи и порезала крупными кусками, небольшая миска с мёдом и треугольные пирожки, которые тётя назвала смешным словом, похожим на каучуковый мячик – «эчпочмак». Рядом поставила кувшин с молоком и чайник с горячим чаем.

– Ешьте, ешьте, – торопила она, усаживая гостей за стол. – Это пока всё, что есть, но завтра приготовлю что-то вкусненькое, для особенных гостей, – и она потрепала Мишу по волосам.

Соня с Мишей с жадностью набросились на еду. Запечённые в меду яблоки были вкуснее, чем сахарные рожки из магазина господина Вильде в Либаве, а ведь вкуснее их нет ничего на свете! Хлеб – такой тёплый и мягкий, что таял во рту, как нежнейший бисквит.

Отец молча отломил краюху хлеба и налил из кувшина молоко, но есть не спешил. Он смотрел на тётю Лейлу и дядю Шакура, и в его глазах светилась благодарность.

– Спасибо, – тихо сказал он. – Мы можем остаться на несколько дней?

Тётя махнула рукой.

– О чём ты спрашиваешь?! Мы же семья!

* * *

Мама приехала только через несколько месяцев. Всё это время Соня и Миша помогали папе устроиться в новом жилище – им стала старая изба с покосившимся крыльцом и провалившейся крышей. Дядя Шакур и другие мужчины деревни приходили на подмогу, тётя Лейла убирала, мыла и стряпала, учила этому Соню – теперь им нужно было как-то обходиться без помощи кухарки.

Соня ждала маму и почему-то верила, что, когда она приедет, всё станет по-прежнему: они вернутся в Либаву, и по мостовой будут грохотать телеги, с моря будут доноситься крики чаек, а на праздники можно будет поехать к бабушке в Вильно и гулять по тихим улочкам, слушая звон костёльных колоколов. Или пусть даже не вернутся – когда мама приедет, всё-всё будет по-другому. С мамой даже их эта старая избушка будет светлой и уютной!

Тёплым апрельским днём, когда снег уже почти растаял, а небо было голубым, словно миски на кухне тёти Лейлы, во двор въехала телега. Мама сидела на узле из старых простыней, поджав ноги и держа в руках небольшой узелок. Одета она была в простое дорожное платье, а на голове вместо шляпки был белый платок – совсем как у женщин, которые жили в деревне. Лицо её было усталым, серым, словно с него стёрли краски, под глазами залегли тени. Она обняла Соню и Мишу и слабо улыбнулась.

– Я не смогла ничего продать, – тихо сказала она отцу. – Дом не вернуть. Всё, что я смогла сделать, – это выручить немного денег за вещи и мебель. Немного дала мама, но она тоже сейчас почти бедствует.

Мама протянула папе узелок и расплакалась – горько и безнадежно. Папа обнимал её и шептал что-то ласковое, а Соня растерянно смотрела на них – она никогда не видела маму плачущей. Мишка тоже ничего не понимал, но на всякий случай разревелся в голос.

Мама тут же взяла себя в руки и улыбнулась своей почти что обычной улыбкой:

– Ой-ой, что за сырость мы тут развели? Ну-ка, показывайте, как вы тут без меня устроились!

* * *

Я сидела возле коробки, перебирая в пальцах чётки. Время провалилось куда-то в чёрную дыру, перестало существовать. Я едва дышала, чувствуя, как вещи и фотографии, которые я рассматриваю, разговаривают со мной. Слово за словом углубляюсь в историю – как археолог, которому найденные артефакты пересказывают забытые судьбы своих владельцев.

Продолговатые белые бусины, потемневшая от времени цепочка и крестик. Уже нет в живых никого, кто читал молитвы, прикасаясь к этим бусинам. Кто шептал над ними в самые безнадежные минуты свои просьбы, поверял свои надежды...

Я допила давно остывший чай и бережно завернула чётки в бархатную тряпицу, потом положила в потёртый кожаный мешочек и убрала в деревянную шкатулку с резным узором. В детстве обожала с ней играть, представляя, что это сундук с сокровищами. Так и есть.

Я достала из шкатулки обломок карандаша. самого обыкновенного, сточенного сантиметров до пяти. Вслед за ним вытянула маленький серебряный медальон в форме сердечка. На крышке – полустершаяся гравировка и крохотный зелёный камешек. Поднесла медальон к глазам и прищурилась, пытаясь разобрать буквы. Внутри были мутные фотографии, на которых едва угадывались черты...

Глава 3

Казань

1925 год

Соня стояла на берегу Волги, вдыхая прохладный осенний воздух. Серые волны набегали на низкий берег, оставляли клочья грязной пены; тяжёлые баржи медленно плыли вниз по течению.

День её двадцатилетия. Двадцать – целая жизнь.

Она держала в руках письмо от мамы.

«Милая Зося, мой маленький мышонок!

Помнишь, так я называла тебя в детстве?

Сейчас ты совсем уже взрослая, и мне трудно поверить, что ты так далеко от нас. Я всё ещё вижу тебя маленькой девочкой, которую когда-то качала на руках, пела песенки, рассказывала сказки. Самое большое сожаление в моей жизни – что этих минут было так мало, что я не смогла уберечь вас от горя, заслонить от холодного ветра войн и революций, сохранить ваше беззаботное детство. Мишке достался совсем маленький его кусочек, а Шимон вообще не видел ничего, кроме деревенской избы. Вместо сказок я рассказываю ему о том, как мы жили раньше, а он не верит, что хлеба было вдоволь, и просит рассказать ещё “что-нибудь вкусное”. И я рассказываю – про кондитерский магазин и пирожные господина Вильде, про сладости из лавочки старого Лейбы Лифшица, сливочные тянучки и оранжад.

Как ты там, доченька? Хватает ли тебе еды? Тепло ли в твоём общежитии? Пиши мне чаще, Зосенька, я перечитываю твои письма по вечерам, когда Мишка и Шимон засыпают, а все домашние дела уже переделаны. Тогда мне кажется, что ты рядом, что мы снова разговариваем обо всём на свете.

Шимон всё время спрашивает, когда ты приедешь.

Миша готовится поступать в техникум в Самаре, целыми днями сидит за книжками, совсем как ты.

Дядя Шакур говорит, ты молодец, что уехала учиться, хотя сам, конечно, ворчит, мол, женщинам незачем браться за такую трудную науку. Но ты же знаешь, он всё равно тобой гордится. И я знаю, что ты у меня умница, и всегда добиваешься своего!

Здоровье папы меня очень беспокоит. Он тяжело кашляет, иногда совсем не может уснуть. Но смеётся, что дочь скоро станет врачом и вылечит его.

Береги себя, мышонок.

Мама».

Ниже была торопливая приписка:

«P. S. Представляешь, когда я относил прошлое письмо на почту, старый Габдулла очень удивился, что я умею писать! Оказывается, среди деревенских я слышу неграмотной – я ведь так и не выучила татарского, не пишу на арабском. Посмеялись вместе с папой. Говорю, наверное, жалеют тебя, что и хозяйка из меня неумелая, всему пришлось учить».

Соня улыбнулась, провела пальцем по строкам, будто хотела запомнить каждую букву, каждое слово. Казалось, тонкая бумага хранит следы маминых рук, запах дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.